

**«ОКТЯБРЬСКАЯ ШАХМАТНАЯ БОЛЕЗНЬ»:
МОТИВ «БОЛЕЗНЕННЫХ» ШАХМАТ В ЛИТЕРАТУРЕ
1920–1930-Х ГОДОВ**

Статья посвящена рассмотрению традиции изображения шахматной игры во взаимосвязи с различными заболеваниями. Автор статьи доказывает, что корреляция болезни и шахмат в текстах русской литературы XIX века – достаточно обычное и естественное сочетание, образующее устойчивый мотив «болезненных шахмат». 1920-е годы в Советской России данный мотив получил необычайное распространение, несмотря на то, что именно в это время советская власть решила превратить шахматы (келейную игру аристократов) в отрасль советского спорта. Шахматы пропагандировались как игра нового социалистического человека – здорового духовно и физически. Возникший диссонанс между официальной точкой зрения на шахматы и ее «кривым» отражением в литературе тех лет автор статьи объясняет не только продолжением давней литературной традиции, но и стремлением авторов ответить на вопрос – «как выжить в царстве тоталирной логики?»

Ключевые слова: игра, шахматы, болезнь, традиция, русская литература, советская литература.

Византийская церковь скептически относилась к шахматам, видя в них языческую азартную игру. С принятием русскими христианства от Византии такой же взгляд на шахматы установился и на Руси. Православная церковь приравнивала эту игру к различного рода запретным «светским» удовольствиям, таким как игра в кости, песни, «бесовские сказания» и пьянство. Несмотря на запрет, в шахматы продолжали играть не только миряне, но и священники. К XVIII в. борьба церкви и государства с шахматами утратила свою остроту. Однако годы борьбы не прошли даром – игра в шахматы не получила широкого распространения среди населения и сделалась келейным развлечением узкого придворного круга.

В XIX в. число интересующихся шахматами стало постепенно увеличиваться. Особенной популярностью игра пользовалась у офицеров и нарождавшейся интеллигенции. В шахматы играли публицисты, учителя, врачи и многие другие. В связи с последними примечательно, что один из первых петербургских шахматных кружков располагался в доме «Собрания врачей» [Подробнее об этом см.: 11, с.15-25; 165].

Увлечение врачей шахматами нашло отражение в литературе того времени. В пьесе А. П. Чехова¹ «Безотцовщина» (1878) в шахматы играет молодой лекарь Николай Иванович Трилецкий: «Трилецкий. Mersi. [Бьет по плечу Вен-

¹ В данной связи напомним, что А. П. Чехов был врач по профессии.

геровича]. Вот как нужно жить на этом свете! Посадил беззащитную женщину за шахматы да и обчистил ее без зазрения совести на десять рублей. Каково? Похвально?

Глагольев И. Похвально. Вы, доктор, <здесь и далее выделено нами. – Д. Д.> настоящий иерусалимский дворянин!» [22].

В романе А.Д. Скалдина «Странствия и приключения Никодима Старшего» (1917) любителем шахматной игры оказывается детский врач, лечивший главного героя: «По временам заезжал **старичок-доктор**, говорил с Никодимом по несколько минут, ощупывал его пульс, заглядывал осторожно в глаза и со словами «Ничего, ничего! Скоро все пройдет – опять будете молодцом; это лишь последствия нервной горячки», – переходил в кабинет к Михаилу Онуфриевичу **играть в шахматы**» [20].

Фигура врача не случайно избрана авторами в качестве главного шахматиста. Еще в античной культуре, где телесное и духовное здоровье человека были предметом особого внимания, врачу отводилась роль хранителя гармонии человеческого существования. В тексте данный персонаж появляется в кульминационные моменты развития сюжета (напр.: болезнь протагониста или его близких, ситуации принятия сложных решений, безвыходности), после чего наступает новая сюжетная фаза: действие меняется и стремится к развязке [Подробнее об этом см.: 10]. Как и появление персонажа-врача, упоминание шахматной игры сигнализирует о наличии в тексте антиномии «хаоса» и «гармонии», где шахматы выступают как организующее начало. На сюжетном уровне данное сочетание символизирует торжество гармонии над хаосом, победы жизни над смертью.

Примечательно, однако, что независимо от того, фигурирует ли в тексте врач, хаотической антитезой шахмат довольно часто выступает болезнь.

В романе «Ширь и мах» (1885) Е.А. Салиас описывает болезнь фаворита Екатерины II, во время которой тот играет в шахматы: «Три дня уже лежит здесь Григорий Александрович Потемкин... неумытый, нечесаный и только вздыхает, ворчит что-то себе под нос... <...> Здесь же он принял с десяток близких людей «благотворителей», два раза сыграл в шахматы с любимцем и родным племянником Самойловым, но здесь же принял и прусского резидента, который с фридриховскою настойчивостью требовал свиданья с князем. <...> А на переспрос резидента проговорил: – **Кранк! Ферштейн зи! Кранк.** Ну, чего же?» [19]. В повести В.П. Авенариуса «Гоголь-студент» (1898) о бывшем сановнике Трощинском, который страдает бессонницей и желудочными заболеваниями, сказано: «Некогда Трощинский славился как искусный **шахматный игрок**, но со времени своего удаления на покой он редко уже прикасался к шахматам и любил более наблюдать за чужой игрой» [1].

В советское время взаимосвязь тем шахмат и болезни сохранилась. Протагонист романа А. Грина «Бегущая по волнам» (1926), искусный игрок в шахматы Томас Гарвей страдает от вспышек редкой болезни, «какие насту-

пают внезапно», а булгаковский Воланд, играющий в живые шахматы с Бегемотом, испытывает при этом боли в колене: «– *Позвольте мне, – тихо попросила Маргарита. Воланд пристально поглядел на неё и пододвинул к ней колени. Горячая, как лава, жижа обжигала руки, но Маргарита, не морщась, стараясь не причинять боли, втирала её в колени. – Приближенные утверждают, что это ревматизм, – говорил Воланд <...>*» [6, с. 250].

В данной связи небезынтересным представляется тот факт, что советское правительство видело в шахматах одно из средств воспитания масс. В.И. Ленин, активно игравший в шахматы,¹ не раз высказывал мысль о необходимости распространения шахмат среди рабочих «для отвлечения от разлагающих и одурманивающих привычек – наследия прошлого – пьянства, религиозного тумана и хулиганства» [цит по: 14, с. 134]. По воспоминаниям первого советского чемпиона по шахматам М.М. Ботвинника, в 1920–1930 годы шахматное движение в СССР приобрело массовый характер: «*Появились шахматные книги и журналы, самые массовые организации – профсоюзы – стали уделять шахматам большое внимание. На предприятиях, школах, воинских частях – повсюду возникли шахматные кружки. И советы физкультуры, и профсоюзы выделяли необходимые средства для развития шахмат – ничего подобного в истории шахмат ранее не было*» [5, с. 26].

По выражению редакторов журнала «Шахматы в СССР», шахматы были превращены в «одно из орудий этой культурной революции», а «*Ценные воспитательные особенности шахмат: тренировка интеллекта и воли, выработка упорства и внимательности, – все они в нашей стране поставлены на службу делу создания нового, социалистического человека*» [3, с. 167].

Однако, несмотря на активную пропаганду здорового увлечения шахматами, в культурном пространстве 1920-х годов взаимосвязь заболеваний и шахмат лишь упрочивалась. Она акцентирована уже в названиях фельетона В.П. Катаева «Шахматная *малярия*» (1925), фильма Н.Г. Шпиковского и Вс.И. Пудовкина «Шахматная *горячка*» (1926) и рассказа А.И. Абрамова «*Гибель шахмат*» (1927). Во многом этому способствовало проведение Первого московского международного шахматного турнира 1925 г., по следам которого и были написаны и сняты данные произведения. Происходящее вокруг него трудно охарактеризовать иначе, нежели «болезнь» или «помешательство». Как пишет историк шахмат В. Линдер: «*Тогда всюду – в трамвае, магазине, на улице без конца можно было слышать разговоры о турнире. Народ толпился у огромных турнирных таблиц, выставленных в центре города. Появились «шахматные» папиросы, мыло, женщины стали носить шахматные ткани, мужчины – носки в шахматную клетку, шахматные запонки и галстуки «а-ля Капабланка»*» [13, с. 83].

¹ О шахматах в жизни В. Ленина см. книгу И. Линдера ««Сделать наилучший ход...»: шахматы в жизни В. И. Ленина» (1988).

Тем не менее, взаимообусловленность болезни и шахмат прослеживается как в текстах, написанных до начала турнира, так и после его завершения. Более того, в связи с шахматами стоит отметить один из наиболее повторяющихся типов заболеваний, а именно – заболеваний душевных. Например, персонаж новеллы Л.М. Леонова «Деревянная королева» (1922), заядлый игрок в шахматы Извеков настолько увлечен решением шахматной задачи, что сходит с ума и становится шахматной фигурой: *«Так потихоньку Владимир Николаевич сходил с ума. <...> Было отчего прийти в ужас: он стал черным левofланговым офицером деревянного короля»* [12, с. 108]. Протагонист повести «Ход конем» (1927) ленинградского писателя Л.И. Борисова, вольноопределяющийся солдат Галкин также лишается рассудка, попадает в клинику для душевнобольных и постоянно сравнивает свою жизнь с шахматной партией, в которой он – шахматный конь: *«Я был подобен шахматному коню, всегда отступавшему в сторону, – вот я иду, но всегда не вперед, всегда не прямо...»* [4, с.134]. В доме для умалишенных заканчивает свой путь и персонаж сценария Горького «Ход коня» (1926-1927), вор и мошенник Яков Сорокин. Став жертвой шутников, Сорокин лишается рассудка и воображает себя шахматным конем, скачущим по московским площадям: *«Я – конь! Шах королеве! <...> Дом умалишенных. По широкому коридору больные идут в столовую, целая процессия. Сзади всех озабоченно – ходами коня – прыгает Яков Сорокин. Он долго не может попасть в дверь»* [8, с.278-279].

В стихотворении Б.Л. Пастернака «Марбург» (1916; 1928) лирический герой мучается бессонницей и впадает в пограничное состояние, в котором окружающие вещи представляются ему шахматными фигурами:

*«Чего же я трушу? Ведь я, как грамматiku,
Бессонницу знаю. Стрясется – спасут.
Рассудок? Но он – как луна для лунатика.
Мы в дружбе, но я не его сосуд. <...>
И тополь – король. Я играю с бессонницей.
И ферзь – соловей. Я тянусь к соловью.
И ночь побеждает, фигуры сторонятся,
Я белое утро в лицо узнаю»* [18, с. 491].

Наконец, примечательно и стихотворение С.И. Кирсанова «Шахболезнь» (1933), посвященное событиями ленинградского матча между чешским шахматистом Сало Флором и советским М. Ботвинником, по стилистике имитирующее ажиотаж турнира 1925 г.:

*«Я никогда
и не игрывал в шахматы,
но в дни
ботвинникофлорного матча
хожу,
как доскою*

*по темени шваркнутый,
на всех турнирах и матчах
маяча.*

*В башке –
шипение ста сковородок.*

*Хожу по улице
ходом коня.*

*И лошади,
видя мои повороты,
ржут,*

как родственники, на меня» [Цит. по: 15, с. 94.].

В данной связи отметим, что взаимосвязь болезни и шахмат актуализирована в текстах как пролетарских писателей, так и писателей-«попутчиков». Таким образом, в общем шахматном дискурсе 1920-х годов возникает элемент неоднозначности: столь замечательное с точки зрения советской власти средство воспитания масс сопряжено с нездоровым желанием сбежать от действительности, заболеть, погрузиться в бесплодный мирок шахматной логики.

Любопытно, что и в тех случаях, когда шахматы в тексте упомянуты для демонстрации преимущества интеллектуальных способностей советского человека над западным, они (шахматы) тем не менее сохраняют свою связь с болезнью. Так, в повести В.В. Вересаева «Исанка» (1927) вузовец Борис затевает спор о пользе шахмат с отдыхающими в студенческом дворце-санатории: «*В темно-вишневой гостиной, со старинными картинами в тяжелых золотых рамах, на всех столах и столиках играли в шахматы и шашки*» [7]. В романе Г.Г. Белых и Л. Пантелеева (А.А. Еремеев) «Республика ШКИД» (1926) в шахматы увлеченно играют воспитанники закрытой школы-коммуны, а персонаж романа Н.А. Островского «Как закалялась сталь» (1936) Павел Корчагин становится шахматным «чемпионом» в лечебно-профилактическом санатории: «*До приезда Иннокентия Павловича Леденева Корчагин был шахматным «чемпионом» в санатории*» [17, с. 370]. В данной связи отметим «болезненный» ореол топосов, в которых ведется игра, призванная воспитать новых советских людей – это лечебные санатории и закрытые школы.

Приведем также обзор первомайской демонстрации, напечатанный в журнале «Шахматный листок», демонстрирующий двойственность восприятия шахматной игры в СССР, как явления одновременно официально одобряемого, но имеющего негативные коннотации: «*Идем с демонстрацией, носимся по улицам, всюду агитируя за шахкультуру. Панели полны народа. Оформление имеет успех, и слышны разные восклицания относительно «буденновца», положения фигур на доске, комичного попка и т.д. Пройдя еще в демонстрации, мы мчимся по улицам, разнося повсюду шахматный микроб*» [9, с. 157].

Отметим также, что несмотря на усилия власти сделать шахматы игрой пролетариата, в литературных произведениях в эту игру по-прежнему продолжали играть высокопоставленные чиновники и интеллигенция, в том числе врачи. Так, в повести Б.А. Пильняка «Третья столица» (1922) в шахматы играет судовой врач, а в романе К.А. Федина «Города и годы» (1924) за этой игрой собираются врачи детские: *«Доктора совещались, писали рецепты и подолгу что-то объясняли отцу ребенка, потом подымались наверх, в отведенные для них комнаты, и садились за шахматную доску»* [21].

В завершение повторим, что традиция изображения шахмат в тесной взаимосвязи с болезнью имеет давнюю историю, которая не была прервана и с приходом к власти в России большевиков. Несмотря на достаточно успешные старания советской власти превратить шахматную игру в спорт и придать ей исключительно положительные коннотации, в текстах советских писателей шахматы по-прежнему сохраняли свой болезненный ореол. Более того, следует отметить что в 1920-е г. корреляция болезни и шахмат в литературе не только упрочилась, но и обрела выражение в конкретной болезни – шахматном помешательстве. Во многом данный феномен можно объяснить возросшей в России и мире популярностью шахмат – именно в это время шахматы стали превращаться в спорт, а шахматисты – в мировых звезд. Безусловно, при желании следы именно «шахматного помешательства» можно найти и в более ранних источниках. Например, в романе М.П. Арцыбашева «У последней черты» (1909 – 1911) один из персонажей, студент Мишка, охваченный революционными настроениями, настолько увлечен игрой в шахматы, что вызывает своим поведением резкую реакцию своего товарища Чиж: *«– Тьфу! – сердито плюнул Чиж и встопорщился, как обиженный воробей. – С этими дурацкими шахматами ты, Мишка, когда-нибудь с ума сойдешь!»* [2] Однако Мишка не обращает внимания на слова друга: *«Мишка думал о шахматах: неуловимо тонкая, ажурная сеть комбинаций плелась перед его глазами, он тоже смотрел на звезды и машинально соображал, что будет, если той крупной синей звездой дать шах крайней звездочке из созвездия Большой Медведицы; коромысло этого величавого созвездия странно напоминало ему ход шахматного коня»* [2].¹

Однако именно в советской литературе данный мотив нашел свое наиболее явное отражение. На наш взгляд, в большей степени это обусловлено утопическими идеями 1920-х годов, породившими культ техники и мечту о человеке-машине. Шахматная игра лучше всего подходила для воспроизведения модели мира, в котором царит тоталитарная логика машины. Чувствительные к духу времени писатели по-своему осмысливали действительность

¹ Ср. со строкой из романа «Защита Лужина» (1930): «Он сидел, опираясь на трость, и думал о том, что этой липой, стоящей на озаренном скате, можно, ходом коня, взять вон тот телеграфный столб, и одновременно старался вспомнить, о чем именно он сейчас говорил» [22, с. 363].

и предлагали свои пути решения проблемы. Один из вариантов – алогичный побег от действительности, сумасшествие, выход из игры. Очевидно, в литературе эмиграции подобный же ответ на вопросы современности дал В. Набоков (Сирин) в романе «Защита Лужина» (1930). Вопрос, знал ли писатель о том, что мотив «шахматного помешательства» был до него достаточно подробно разработан в советских текстах, не является предметом нашего рассмотрения. Однако отметим, что в массовом сознании во многом именно благодаря роману Набокова сформировался устойчивый отрицательный образ шахматиста как человека с неустойчивой психической системой. Успех Набокова – в умении наиболее точно поставить диагноз обществу..

ЛИТЕРАТУРА

1. Авенариус В.П. Гоголь-студент. СПб.: Издание книжного магазина П.В. Луковникова, 1915. http://az.lib.ru/a/awenarius_w_p/text_0100.shtml (дата обращения: 04. 04. 2018).
2. Арцыбашев М.П. Собрание сочинений: в 4-х т. Том 2. М.: Терра, 1994 http://az.lib.ru/a/arcybashew_m_p/text_0020.shtml (дата обращения: 04. 04. 2018).
3. Без подписи. От редакции // «Шахматы в СССР».1933. № 12. С. 167-168.
4. Борисов Л.И. Ход конем // Избранное. Л.: Советский писатель, 1957. 540 с.
5. Ботвинник М.М. Шах двадцатому веку. М.: Зебра Е, 2010. 496 с.
6. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1992. 734 с.
7. Вересаев В. В. К жизни. Минск: Мастацкая літаратура, 1989. http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0092.shtml (дата обращения: 04. 04. 2018).
8. Горький А. М. 1941. Пьесы и сценарии: в 2 т. Т. 2. М.: ГИЗХЛ. 342 с.
9. И. Г. «В первомайские дни с металлистами» // «Шахматный листок». 1930. №9. С. 157.
10. Ковелина Т. А. Образ врача в культуре. Дисс. на соиск. степ. д-р. философ. наук. Ростов-на-Дону, 2006 <http://cheloveknauka.com/obraz-vracha-v-kulture> (дата обращения: 04. 04. 2018).
11. Коган М. С. Очерки по истории шахмат в СССР. М.; Л.: Физкультура и спорт, 1938. 390 с.
12. Леонов Л.М. Деревянная королева // Леонов Л.М. Собрание сочинений: В 10-ти т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1969. 631 с.
13. Линдер В. И, Линдер И. М. Капабланка в России. М.: Советская Россия, 1988. 268 с.
14. Линдер И.М. «Сделать наилучший ход...»: шахматы в жизни В. И. Ленина. М.: Московский Рабочий, 1988. 176 с.
15. Мощенко В. Сало Флор. Горький чешский шоколад. М., РИПОЛ Классик, 2015. 368 с.
16. Набоков В.В. Защита Лужина // Русский период. Собрание сочинений: в 5-ти т. Т. 2. СПб.: «Сипозиум», 2009. 784 с.

17. Островский Н.А. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1955–1956. 576 с.
18. Пастернак Б.Л. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. М.: «Художественная литература», 1989. 491 с.
19. Салиас Е.А. Ширь и мах // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1991. http://az.lib.ru/s/salias_e_a/text_0070.shtml (дата обращения: 04.04.2018).
20. Скалдин А.Д. Странствия и приключения Никодима Старшего. М., Терра 1994. http://lib.ru/RUSSLIT/SKALDIN/nikodim.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 04. 04. 2018).
21. Федин К. А. Города и годы. М.: Художественная литература, 1978. https://royallib.com/book/fedin_konstantin/goroda_i_godi.html (дата обращения: 04. 04. 2018).
22. Чехов А. П. Безотцовщина // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 11. Пьесы, 1878–1888. М.: Наука, 1976. <http://feb-web.ru/feb/chekhov/texts/sp0/spb/spb-005-.htm> (дата обращения: 04. 04. 2018).